

Вопросы для анализа художественного текста

Чтобы правильно определить проблему, рекомендую воспользоваться этим списком вопросов, которые помогут проанализировать художественный текст

Пересказать текст. О чем этот текст? (выписать ключевые слова, словосочетания, которые позволяют определить тему текста)

- От какого лица ведется повествование?
- Кто главный герой? Какой он? (номера предложений, цитаты)
- Какие мысли, обстоятельства, поступки раскрывают героя? (номера предложений, цитаты)
- Что думает автор\герой? К какой мысли подводит читателя? (номера предложений, цитаты)
- Как автор оценивает мысли, поступки героя\ свои мысли и поступки? (номера предложений, цитаты)
- Как реагируют другие на события, поступки, слова (реакция социума)? Что из этого следует? (номера предложений, цитаты)
- Чему учит текст? О чем призывает задуматься? (номера предложений, цитаты)

Вопросы для анализа публицистического текста

Чтобы правильно определить проблему, рекомендую воспользоваться этим списком вопросов, которые помогут проанализировать публицистический текст

Пересказать текст. О чем этот текст? (выписать ключевые слова, словосочетания, которые позволяют определить тему текста)

- Что волнует рассказчика\ повествователя? (номера предложений, цитаты)
- Какие примеры\ аргументы он приводит, чтобы убедительно обосновать свое мнение (номера предложений, цитаты)
- Какие выводы делает автор-рассказчик в процессе рассуждения?
- Чему учит текст? О чем призывает задуматься? (номера предложений, цитаты)

Текст №1

Чтобы ответить на этот вопрос, написаны сотни книг, и это объяснимо: свобода – понятие бесконечное. Оно принадлежит к высшим понятиям человека и потому принципиально не может иметь точного определения. Бесконечное не определимо в словах. Оно выше слов.

Сколько люди живут, они будут стараться понять, что же такое свобода, и стремиться к ней.

Полной социальной свободы нет нигде в мире, экономической свободы для каждого человека нет и, судя по всему, быть не может; но свободных людей – огромное множество. Как же это получается?

В слове «свобода» содержится два разных понятия, сильно отличающихся одно от другого. По сути, речь идет о совершенно разных вещах.

Философы, анализируя это трудное слово, пришли к выводу, что есть «свобода-от» – свобода от какого бы то ни было внешнего угнетения и принуждения – и есть «свобода-для» – внутренняя свобода человека для его самоосуществления.

Внешняя свобода, как уже говорилось, не бывает абсолютной. Но внутренняя свобода может быть беспредельной даже при самой трудной жизни.

В педагогике давно обсуждается свободное воспитание. Учителя этого направления стремятся дать ребенку внешнюю свободу в школе. Мы говорим о другом – о внутренней свободе, которая доступна человеку во всех обстоятельствах, для которой не надо создавать специальных школ.

Внутренняя свобода не зависит жестко от внешней. В самом свободном государстве могут быть зависимые, несвободные люди. В самом несвободном, где все так или иначе угнетены, могут быть свободные. Таким образом, воспитывать свободных людей никогда не рано и никогда не поздно. Мы должны воспитывать свободных людей не потому, что наше общество обрело свободу – это спорный вопрос, – а потому, что внутренняя свобода нужна самому нашему воспитаннику, в каком бы обществе он ни жил.

Человек свободный – это человек, свободный внутренне. Как и все люди, внешне он зависит от общества. Но внутренне он независим. Общество может освободиться внешне – от угнетения, но стать свободным оно может лишь тогда, когда люди в большинстве своем будут внутренне свободны.

Вот это и должно быть, на наш взгляд, целью воспитания: внутренняя свобода человека. Воспитывая внутренне свободных людей, мы приносим самую большую пользу и нашим воспитанникам, и стране, стремящейся к свободе. Здесь нет ничего нового; присмотритесь к лучшим учителям, вспомните своих лучших учителей – они все старались воспитывать свободных, потому они и запоминаются.

Внутренне свободными людьми держится и развивается мир.

Что такое внутренняя свобода?

ILINA EKATERINA

Внутренняя свобода так же противоречива, как и свобода вообще. Внутренне свободный человек, свободная личность, в чем-то свободен, а в чем-то не свободен.

От чего свободен внутренне свободный человек? Прежде всего от страха перед людьми и перед жизнью. От расхожего общего мнения. Он независим от толпы. Свободен от стереотипов мышления – способен на свой, личный взгляд. Свободен от предубеждений. Свободен от зависти, корысти, от собственных агрессивных устремлений.

Можно сказать так: в нем свободно человеческое.

Свободного человека легко узнать: он просто держится, по-своему думает, он никогда не проявляет ни раболепства, ни вызывающей дерзости. Он ценит свободу каждого человека. Он не кичится своей свободой, не добивается свободы во что бы то ни стало, не сражается за свою личную свободу – он всегда владеет ею. Она дана ему в вечное владение. Он не живет для свободы, а живет свободно.

Это легкий человек, с ним легко, у него полное жизненное дыхание.

Каждый из нас встречал свободных людей. Их всегда любят. Но есть нечто такое, от чего действительно свободный человек не свободен. Это очень важно понять. От чего не свободен свободный человек?

От совести.

Что такое совесть?

Если не понять, что же такое совесть, то не понять и внутренне свободного человека. Свобода без совести – ложная свобода, это один из видов тяжелейшей зависимости. Будто бы свободный, но без совести – раб дурных своих устремлений, раб обстоятельств жизни, и внешнюю свою свободу он употребляет во зло. Такого человека называют как угодно, но только не свободным. Свобода в общем сознании воспринимается как добро.

Обратите внимание на важное различие: тут не сказано – не свободен от своей совести, как обычно говорят. Потому что совесть не бывает своя. Совесть и своя, и общая. Совесть – то общее, что есть в каждом отдельно. Совесть – то, что соединяет людей.

Совесть – это правда, живущая между людьми и в каждом человеке. Она одна на всех, мы воспринимаем ее с языком, с воспитанием, в общении друг с другом. Не нужно спрашивать, что же такое правда, она так же не выразима в словах, как и свобода. Но мы узнаем ее по чувству справедливости, которое каждый из нас испытывает, когда жизнь идет по правде. И каждый страдает, когда справедливость нарушается – когда попирается правда. Совесть, чувство сугубо внутреннее и в то же время общественное, говорит нам, где правда и где неправда. Совесть заставляет человека придерживаться правды, то есть жить с правдой, по справедливости. Свободный человек строго слушается совести – но только ее.

Учитель, цель которого – воспитание свободного человека, должен поддерживать чувство справедливости. Это главное в воспитании.

Никакого вакуума нет. Никакого госзаказа на воспитание не нужно. Цель воспитания одна на все времена – это внутренняя свобода человека, свобода для правды.

Симон Львович Соловейчик — советский и российский публицист, преподаватель, теоретик педагогики.

Проблема (над чем призывает задуматься читателей писатель?):

Аргумент №1:

Аргумент №2:

Позиция автора (ответ на проблемный вопрос):

Текст 2

(1)Каждый писатель тревожится о том, как его будут читать. (2)Поймут ли? (3)Увидят ли то, что он хотел доказать? (4)Почувствуют ли то, что любило его сердце? (5)И кто будет его читатель? (6)От этого зависит, состоится ли у него желанная, духовная встреча с теми далекими, но близкими, для которых он втайне писал свою книгу?

(7)Далеко не все читающие владеют искусством чтения: глаза бегают по буквам, из букв выходит слово, а всякое слово что-то означает. (8)Слова и их значения связываются друг с другом, и читатель представляет себе что-то расплывчатое, иногда непонятное, иногда приятно-мимолетное, что быстро уносится в позабытое прошлое. (9)И это называется «чтением».

(10)Механизм без духа. (11)Безответственная забава. (12)Такого «чтения» ни один писатель себе не желает. (13)Таких «читателей» мы все опасаемся, ибо настоящее чтение происходит совсем иначе и имеет совсем иной смысл.

(14)Как возникло, как созрело написанное?

(15)Какой-то человек жил, любил, страдал и наслаждался; наблюдал, думал, желал, надеялся и отчаивался. (16)Захотелось ему поведать другим о чём-то таком, что для всех важно, что нам необходимо духовно увидеть, прочувствовать, продумать и усвоить. (17)Что-то значительное о чём-то важном и драгоценном. (18)И вот он начинал отыскивать верные образы, ясно-глубокие мысли и точные слова. (19)Это было нелегко, удавалось не всегда и не сразу. (20)Ответственный писатель вынашивает свою книгу долго: годами, а иногда всю жизнь. (21)Он не расстаётся с нею ни днем, ни ночью, отдаёт ей свои лучшие силы, свои вдохновенные часы, «болеет» её темой и «исцеляется» писанием. (22)Ищет сразу и правды, и красоты, и точности, и верного стиля, и верного ритма, и всё для того, чтобы рассказать, не искажая, видение своего сердца. (23)И, наконец, произведение готово. (24)Последний просмотр строгим, зорким глазом, последние исправления, и книга, сокровищница человеческой мудрости, отрывается и уходит к читателю, неизвестному, далекому, может быть, легковесно-капризному, может быть, враждебно-придирчивому. (25)Уходит без него, автора. (26)Он выключает себя и оставляет читателя, которого совсем не знает, со своею книгою «наедине».

(27)И вот мы, читатели, беремся за эту книгу. (28)Перед нами накопление чувств, постижений, идей, образов, волевых разрядов, указаний, призывов, доказательств. (29)Иными словами, целое здание духа, которое дается нам при помощи шифра. (30)Оно скрыто за этими чёрными

ILINA EKATERINA

мертвыми крючками, за этими общеизвестными, поблекшими словами, за этими общедоступными образами, за этими отвлеченными понятиями. (31) Жизнь, яркость, силу, смысл, дух - должен из-за них добыть сам читатель. (32) Он должен воссоздать в себе созданное автором; и если он не умеет, не хочет и не сделает этого, то за него не сделает этого никто: книга пройдет мимо него.

(33) Обычно думают, что чтение доступно всякому грамотному. (34) Но, к сожалению, это совсем не так. (35) Почему? (36) Потому, что настоящий читатель отдаёт книге своё свободное внимание, все свои душевные способности и своё умение вызывать в себе ту верную духовную установку, которая необходима для понимания книги. (37) Настоящее чтение не сводится к бегству напечатанных слов через сознание. (38) Оно требует сосредоточенного внимания и твердого желания верно услышать, о чём говорит голос автора. (39) Одного рассудка и пустого воображения для чтения недостаточно. (40) Надо чувствовать сердцем и созерцать из сердца. (41) Надо пережить страсть страстным чувством. (42) В нежном лирическом стихотворении надо внять всем вздохам, вострепетать всею нежностью, взглянуть во все глубины и дали.

(43) Читатель призван верно воспроизвести в себе душевный и духовный акт писателя, зажечь этим актом и доверчиво отдаться ему. (44) Только при этом условии состоится желанная встреча между обоими, и читателю откроется то важное и значительное, чем болели над чем трудился писатель. (45) Искусство чтения побеждает одиночество, разлуку, даль и эпоху.

(46) По чтению можно узнавать и определять человека, ибо каждый из нас есть то, что он читает.

(47) Каждый человек есть то, как он читает. (48) Все мы становимся незаметно тем, что вычитываем из прочтенного, как будто бы букетом собранных нами в чтении цветов.

Ильин Иван Александрович - русский философ, писатель, публицист.

Проблема (над чем призывает задуматься читателей писатель?):

Аргумент №1:

Аргумент №2:

Позиция автора (ответ на проблемный вопрос):

Текст 3

Когда и с чего у меня началось?

Пожалуй, с получения квартиры.

Мы с Ингой вошли впервые в свою квартиру, пустынно-светлую, пахнущую тем бравурно-праздничным запахом, который присущ всему новому, будь то новая детская игрушка, новые ботинки, новое пальто.

Мы перешагнули за порог, и я, пораженный, показал Инге на распахнутую дверь, ведущую из узкого коридора в комнату:

— Гляди! Интерьер!

За дверью вглубь уходила стена, плинтус пола вонзался в пространство. А мы привыкли к тесным комнатушкам, где стена упиралась глухо в другую стену, где почти не было глубины, и чужеземный термин «интерьер» для нас звучал такой же абстракцией, как постоянная Планка. А здесь перед глазами — мой интерьер, наш интерьер, наше собственное пространство, никто уже не посягнет на него, не прикажет: «Выезжайте!» Мы имеем охраняемое законом свое место на земле.

До этого мы с Ингой снимали комнатухи, чуть ли не каждый год новую, переезжали с чемоданами и раскладушкой из одного конца Москвы в другой. Мы ютились у вдовы с тремя детьми за фанерной перегородкой в тесном, как школьный пенал, углу. Мы пребывали в комнате бывшей опереточной актрисы, которая сама постоянно жила на даче у зятя. Нас со всех сторон окружали шкафчики и секретеры с намертво запертыми ящичками, фарфоровые пастухи и пастушки, слоники «на счастье», фотографии опереточной примадонны в расцвете творческих сил, в соблазнительных позах. Мы были скованы грозными запретами: на этот диван не ложиться, на этом столе не обедать, на этом старинном кресле, боже упаси, не сидеть, живи где-то между, дыши с осторожностью. За такую возможность существовать мы обязаны были платить треть заработанных вдвоем денег.

В конце концов нам удалось отыскать изолированную комнату в шесть квадратных метров. Общий длинный темный коридор, двери, двери по обеим сторонам, ведущие в такие же, как наша, клетушки. Уборная, похожая на вокзальную, этажом ниже, а общая кухня напоминала доисторическую племенную пещеру. В ней с непривычки можно легко заблудиться среди густо навешанных простыней и кальсон. Мы с Ингой год наслаждались покоем — наши покладистые хозяева обитали в соседнем доме по этой же улице, регулярно брали плату, ничем больше не интересовались, запретами не связывали. На откупленных шести квадратных метрах мы могли делать все, что хотели, — читать, писать, приглашать гостей, спорить...

Именно в то время у Инги появилась гитара, именно в то время по Москве впервые зазвучал голос Булата Окуджавы. Он не пел с эстрады, и афиши с его именем не развешивались по заборам, он пел в кругу близких друзей, и песни его выходили на улицу, добирались через длинный и темный коридор до нашей тесной комнатухи. Перекинув ногу на ногу, подняв плечо, недоуменно подняв одну бровь, с горячим румянцем на лице (только что стояла у плиты, жарила гостям яичницу) Инга «баритонствовала» под Окуджаву.

ILINA EKATERINA

По Смоленской дороге — леса, леса, леса.

По Смоленской дороге — столбы, столбы, столбы.

Над Смоленской дорожкой, как твои глаза, —

Две вечерних звезды — голубых моих судьбы...

У Инги глаза серые в голубизну — две вечерних моих звезды. Я любовался ею.

Но через год у нас родилась дочь. И ни читать, ни писать, ни встречаться с гостями — пеленки, ночные горшки, ванночки для купания, детский крик, бессонные ночи. И гитара забыто висит на стене, и где-то поет Окуджава новые песни, но они уже не пробиваются к нам. Все книги втиснуты под стол — мешают. Постоянно мешаю и я, мне нет угла, куда бы я мог забиться. Инга в неряшливом халате, с осунувшимся деревянным лицом, с воспаленными, раздраженно блестящими глазами — «две вечерних звезды — голубых моих судьбы...».

Тогда я почувствовал, какое наказание — люди. Дома для меня не было места, по дороге на работу я должен втискиваться в битком набитый троллейбус, на работе постоянная суета, голоса, голоса, голоса, требующие, спрашивающие, просто нарушающие мое одиночество. Я изредка оставался по вечерам на работе, мог сидеть за столом, ничего не делая, не шевелясь, впитывая целебную тишину. Но это были минуты предательства, дома билась с ребенком Инга... Мне нет места дома, но я необходим там, без меня Инга не может даже выскочить на нижний этаж в уборную, дочь ни на минуту нельзя оставить.

И вот дочь выросла из пеленок, встала на ноги, сделала первые шаги. Нашлась старушка, согласившаяся за ней присматривать. Инга снова пошла на работу. И у меня удачи, меня выдвинули заведующим отделом в журнале, который читают во всех уголках страны. Я еще не член редакционной коллегии, но к моему слову прислушиваются. И наконец-то случилось долгожданное, вымечтанное — нам дают квартиру в новом доме. Две комнаты, обильно заполненные воздухом и светом, третья комната — кухня, только наша кухня, с нашей плитой, никто из чужих не появится здесь, не развесит пеленок.

В первую же ночь, когда Инга с Танюшкой уснули в соседней комнате, я не выдержал, тихонько встал, пробрался в ванную, включил свет. Ванная комната была самой завершенной, уже полностью «меблированной». Она сверкала стенами, облицованными кафельной плиткой, никелем кранов и певучим глянцем самой ванны. На ванну нельзя было досыта насмотреться, взгляд мог скользить и скользить без конца, отдыхая на ровной белизне, покорно следуя текучим изгибам. Без единого острого угла, ласковая, успокаивающая — одухотворенный сосуд. В доме шли еще какие-то доделки, еще не успели подать горячую воду. Я забрался в холодную ванну, сел и просто представил себе эту горячую воду, с морским зеленоватым отливом, заливающую меня...

Тут, ночью, в холодной сияющей ванне я подумал: вот оно, нашел! Кончилась унижительная борьба за существование, из нее я вышел без особых потерь. Здоровье мое не надорвано, ни мое, ни жены, ни дочери. Жену я люблю, она меня тоже. Танюшка греет нас обоих, она уже читает наизусть «Где обедал, воробей?», потешно пляшет «барыню-сударыню», помахивая платочком, приказывая при этом: «Хлопайте все!», по утрам подымается с постельки всклокоченная, румяная, с сияющими глазами. И работа моя содержательна, интересна, никакой

ILINA EKATERINA

иной не хочу. И десятка два статей у меня на счету... Я нашел основное счастье. Жизнь поставлена на рельсы, теперь остается только катиться вперед.

Ночью в холодной сияющей ванне я обмирал от полноты жизни. Простой душе мнилось простенькое — гладкие рельсы до могилы.

Человек, держи себя на узде, страшись радоваться!

Не правда ли, крамольные слова? Не жизнеутверждающие. Обворовывают в самом лучшем.

Страшись!.. Радость летуча.

Я порадовался, что у меня есть чудо-ванна, а на следующий день привык — есть, не могу же я без конца прыгать от восторга, есть, принимаю как должное. Но вот, оказывается, паркет на полу гнется и скрипит под ногами, вчера на это не обратил внимания. Но черт бы побрал строителей! Того и гляди, через неделю паркетины станут выпадать, как гнилые зубы. Как тут не досадовать, как не раздражаться!

А еще позавчера я бегал по малой нужде на другой этаж. Скажи мне тогда, что меня станет расстраивать скрипящий паркет, — рассмеялся бы в лицо: «Не принимай меня за неврастеника!»

Радость летуча, исчезает быстро, но не бесследно, остается восприимчивость к досадным мелочам — уязвимость. Остерегайся излишних радостей в жизни, чем бурней они, тем ты незащищенной от мелочей, пустяки вырастают в проблемы, удачливые люди несносны в первую очередь для самих себя. Бренность мира — в радостях. Это по их поводу сказал Екклесиаст: «Суета сует, все суета».

Лев Толстой в одной повести обмолвился: «Как всегда, не хватало одной комнаты и пятьсот рублей денег». На старом месте мы мечтали — еще бы одну конурку и пятьсот рублей до полочки. На новом месте — то же самое: крайне нужна комната для дочки с няней, а уж пятьсот рублей — позарез...

У нас не прибавилось счастья, а забот прибавилось — приходится обеспечивать свою, изо дня в день возрастающую привередливость. Не можем жить на скрипучем паркете, надо вызвать мастера, и хорошего, пусть лучше дороже возьмет. Надо купить и письменный стол, и диван, и холодильник... А купить не так-то просто — бегай, выпрашивай, заводи полезные знакомства, давай «в лапу». И временами оглядываешься: когда же кончатся все эти «надо» и начнется нормальная жизнь? Проклятые мелочные «надо»!

И как они отличаются от тех, какие нависали над нами, когда мы ютились в шестиметровой конуре. Тогда было тоже «надо», но не мастера для скрипящего паркета, не люстру из чешского стекла, не раздвижной диван-кровать... Надо было место на земле, крышу над головой, крайне надо по-человечески жить. Надо! Не исполнись мои желания — сойду с ума, отупею, деградирую. Надо — моя жизнь в опасности, семья в опасности! И я желал со страстью, с неистовством, висящее над головой «надо» было моей путеводной звездой, а не проклятием.

В те дни был убежден: как только большая часть моих «надо» исполнится, немедля сяду за книгу, листов так на двадцать — толстый том научной популяризации. Я уже собирал материал о таинственной силе гравитации, зажигающей звезды во Вселенной, о белых карликах, о нейтронных чудовищах, о теоретически возможных бушующих звездах-невидимках, не

ILINAEKATERINA

способных отбросить от себя ни единого луча. Это должен быть фантастический гимн, пугающий читателя величием природы и дерзостью человеческой мысли. Мне казалось, что подобных книг еще не написано.

Садись! Но нет... Путеводное «надо» разбилось на осколки, и я метался, старался подбирать их — диван-кровать, чешская люстра, мастер-циклевщик, — некогда рассиживаться, выдавай статьи, делай поденщину.

Не скажу, чтоб эта поденщина меня иссушала. Журнал, где я вел отдел, был из числа известных научно-популярных журналов для юношества, который охотно читали и взрослые. Наука в наш век не скучна и не однообразна, нередки сенсации, в которых не сразу разберешься: где кончается реальность и где начинается сказка. Мы писали и о летающих тарелках, и о снежном человеке или же... Некий эксперт по закладу недвижимости Норман Дин изобретает машину, достойную фантазии барона Мюнхгаузена...

Садись за книгу! Пора! Надо!.. Но так ли уж «надо»? Катастрофы не произойдет, если и не напишу, буду жить, как живу — вполне прилично, лучше многих.

Я обрел благополучие, а вместе с ним терял себя. Я перестал испытывать сильные желания, радовался и огорчался как-то не всерьез, суетно.

Благополучие... А собственно, что это такое?

Глупо объяснять его в рублях и копейках. Не обязательно владелец «Москвича» благополучней владельца велосипеда.

Владимир Фёдорович Тендряков — русский советский писатель, педагог.

Проблема (над чем призывает задуматься читателей писатель?):

Аргумент №1:

Аргумент №2:

Позиция автора (ответ на проблемный вопрос):

Текст 4

Кити была в особенности рада случаю побыть с глазу на глаз с мужем, потому что она заметила, как тень огорчения пробежала на его так живо все отражающем лице в ту минуту, как он вошел на террасу и спросил, о чем говорили, и ему не ответили.

Когда они пошли пешком вперед других и вышли из виду дома на накатанную, пыльную и усыпанную ржаными колосьями и зернами дорогу, она крепче оперлась на его руку и прижала ее к себе. Он уже забыл о минутном неприятном впечатлении и наедине с нею испытывал теперь, когда мысль о ее беременности ни на минуту не покидала его, то, еще новое для него и радостное, совершенно чистое от чувственности наслаждение близости к любимой женщине. Говорить было нечего, но ему хотелось слышать звук ее голоса, так же как и взгляд изменившегося теперь при беременности. В голосе, как и во взгляде, была мягкость и серьезность, подобная той, которая бывает у людей, постоянно сосредоточенных над одним любимым делом.

— Так ты не устанешь? Упирайся больше, — сказал он.

— Нет, я так рада случаю побыть с тобою наедине, и, признаюсь, как мне ни хорошо с ними, жалко наших зимних вечеров вдвоем.

— То было хорошо, а это еще лучше. Оба лучше, — сказал он, прижимая ее руку.

— Ты знаешь, про что мы говорили, когда ты вошел?

— Про варенье?

— Да, и про варенье; но потом о том, как делают предложение.

— А! — сказал Левин, более слушая звук ее голоса, чем слова, которые она говорила, все время думая о дороге, которая шла теперь лесом, и обходя те места, где бы она могла неверно ступить.

— И о Сергее Иваныче и Вареньке. Ты заметил?.. Я очень желаю этого, — продолжала она. — Как ты об этом думаешь? — И она заглянула ему в лицо.

— Не знаю, что думать, — улыбаясь, отвечал Левин. — Сергей в этом отношении очень странен для меня. Я ведь рассказывал...

— Да, что он был влюблен в эту девушку, которая умерла...

— Это было, когда я был ребенком; я знаю это по преданиям. Я помню его тогда. Он был удивительно мил. Но с тех пор я наблюдаю его с женщинами: он любезен, некоторые ему нравятся, но чувствуешь, что они для него просто люди, а не женщины.

— Да, но теперь с Варенькой... Кажется, что-то есть...

— Может быть, и есть... Но его надо знать... Он особенный, удивительный человек. Он живет одною духовною жизнью. Он слишком чистый и высокой души человек.

— Как? Разве это унижит его?

— Нет, но он так привык жить одною духовною жизнью, что не может примириться с действительностью, а Варенька все-таки действительность.

ILINAEKATERINA

Левин уже привык теперь смело говорить свою мысль, не давая себе труда облекать ее в точные слова; он знал, что жена в такие любовные минуты, как теперь, поймет, что он хочет сказать, с намека, и она поняла его.

— Да, но в ней нет этой действительности, как во мне; я понимаю, что он меня никогда бы не полюбил. Она вся духовная...

— Ну нет, он тебя так любит, и мне это всегда так приятно, что мои тебя любят...

— Да, он ко мне добр, но...

— Но не так, как с Николенькой покойным... вы полюбили друг друга, — докончил Левин. — Отчего не говорить? — прибавил он. — Я иногда упрекаю себя: кончится тем, что забудешь. Ах, какой был ужасный и прелестный человек... Да, так о чем же мы говорили? — помолчав, сказал Левин.

— Ты думаешь, что он не может влюбиться, — переводя на свой язык, сказала Кити.

— Не то что не может влюбиться, — улыбаясь, сказал Левин, — но у него нет той слабости, которая нужна... Я всегда завидовал ему, и теперь даже, когда я так счастлив, все-таки завидую.

— Завидуешь, что он не может влюбиться?

— Я завидую тому, что он лучше меня, — улыбаясь, сказал Левин. — Он живет не для себя. У него вся жизнь подчинена долгу. И потому он может быть спокоен и доволен.

— А ты? — с насмешливою, любовною улыбкой сказала Кити.

Она никак не могла бы выразить тот ход мыслей, который заставлял ее улыбаться; но последний вывод был тот, что муж ее, восхищающийся братом и унижающий себя пред ним, был неискренен. Кити знала, что эта неискренность его происходила от любви к брату, от чувства совестливости за то, что он слишком счастлив, и в особенности от не оставляющего его желания быть лучше, — она любила это в нем и потому улыбалась.

— А ты? Чем же ты недоволен? — спросила она с тою же улыбкой.

Ее недоверие к его недовольству собой радовало его, и он бессознательно вызывал ее на то, чтоб она высказала причины своего недоверия.

— Я счастлив, но недоволен собой... — сказал он.

— Так как же ты можешь быть недоволен, если ты счастлив?

— То есть как тебе сказать?.. Я по душе ничего не желаю, кроме того, чтобы вот ты не споткнулась. Ах, да ведь нельзя же так прыгать! — прервал он свой разговор упреком за то, что она сделала слишком быстрое движение, переступая через лежавший на тропинке сук. — Но когда я рассуждаю о себе и сравниваю себя с другими, особенно с братом, я чувствую, что я плох.

— Да чем же? — с тою же улыбкой продолжала Кити. — Разве ты тоже не делаешь для других? И твои хутора, и твоё хозяйство, и твоё хозяйство, и твоё хозяйство?

ILINAEKATERINA

— Нет, я чувствую и особенно теперь: ты виновата, — сказал он, прижав ее руку, — что это не то. Я делаю это так, слегка. Если б я мог любить все это дело, как я люблю тебя... а то я последнее время делаю, как заданный урок.

— Ну, что ты скажешь про папа? — спросила Кити. — Что ж, и он плох, потому что ничего не делал для общего дела?

— Он? — нет. Но надо иметь ту простоту, ясность, доброту, как твой отец, а у меня есть ли это? Я делаю и мучаюсь. Все это ты наделала. Когда тебя не было и еще не было этого, — сказал он со взглядом на ее живот, который она поняла, — я все свои силы клал на дело; а теперь не могу, и мне совестно; я делаю именно как заданный урок, я притворяюсь...

— Ну, а захотел бы ты сейчас променяться с Сергей Ивановичем? — сказала Кити. — Захотел бы ты делать это общее дело и любить этот заданный урок, как он, и только?

— Разумеется, нет, — сказал Левин. — Впрочем, я так счастлив, что ничего не понимаю. А ты уж думаешь, что он нынче сделает предложение? — прибавил он, помолчав.

— И думаю, и нет. Только мне ужасно хочется. Вот постой. — Она нагнулась и сорвала на краю дороги дику ромашку. — Ну, считай: сделает, не сделает предложение, — сказала она, подавая ему цветок.

— Сделает, не сделает, — говорил Левин, обрывая белые узкие продороженные лепестки.

— Нет, нет! — схватив его за руку, остановила его Кити, с волнением следившая за его пальцами.

— Ты два оторвал.

— Ну, зато вот этот маленький не в счет, — сказал Левин, срывая коротенький недоросший лепесток.

Лев Николаевич Толстой – выдающийся русский писатель, публицист, мыслитель

Проблема (над чем призывает задуматься читателей писатель?):

Аргумент №1:

Аргумент №2:

Позиция автора (ответ на проблемный вопрос):

Прочитайте текст и выполните задания 22—27.

(1) Я остался в типографии один; нельзя же бросить машину, шрифты, бумагу. (2) У меня, разумеется, было начальство, и от начальства я ждал указаний, что делать дальше. (3) Но связаться с начальством по телефону я не мог: телефоны в городе не работали.

(4) Дни и ночи лежал я на койке, в ватнике, в валенках, укрытый двумя одеялами. (5) Выходил я только в булочную, за хлебом — раз в два дня. (6) В булочной мне давали промёрзлый кубик хлеба — мою порцию на два дня. (7) Вернувшись в типографию, я ложился на койку, закрывался с головой двумя одеялами, отщипывал от хлеба маленькие кусочки и клал в рот. (8) Каждый кусочек я долго держал во рту, прежде чем проглотить. (9) Потом засыпал.

(10) Впрочем, в той тишине, которая меня окружала, трудно было понять, спал я или не спал. (11) Весь город был погружён в мёртвую тишину, как на дно моря. (12) Не было ни трамваев, ни автомобилей, ни голосов на улицах; с наступлением зимы воздушные налёты прекратились и замолчали наши зенитки. (13) Немцы, окружив город со всех сторон, не хотели, казалось, тратить на него больше никаких усилий и просто ждали, когда он вымрет и вымерзнет. (14) Ни один звук не долетал до моей комнаты, и в мёртвой этой тишине мне постоянно чудилось, что я куда-то проваливаюсь вместе со своей койкой — всё глубже, и глубже, и глубже... (15) Иногда сознание прояснялось, и я понимал, что умираю. (16) Тогда я думал, что нужно встать, разжечь печурку, принести воды. (17) Но мысль о необходимости двигаться казалась такой ужасной, что я думал о смерти без всякого страха, и уже даже ждал её...

(18) И вдруг в этой бездонной, безвыходной глубине я услышал сверху громкий звонкий голос:

— Вы живой, живой! (19) Ангелина Ивановна говорила, что в типографии никого нет, что вы лежите мёртвый, а я пришла, потрогала — вы живой! (20) Сейчас, сейчас!.. (21) Я сейчас всё устрою...

(22) Я смотрел на неё и чувствовал, что улыбаюсь. (23) Ну, конечно, я живой! (24) Она так торжествовала, так радовалась, найдя меня живым, что оказаться мёртвым было бы просто стыдно. (25) Я смотрел на неё, улыбался и тоже радовался, что она живая. (26) Она изменилась: страшные знаки голодного старения ещё резче легли на её детское лицо. (27) Но она двигалась, говорила, радовалась. (28) Мы оба были живы!

(29) — Сейчас, сейчас!.. — повторяла она и уже разжигала мою пещурку. (30) — Надо принести воды, — сказала она, схватила большой медный чайник и выскользнула из комнаты.

(31) Едва она вышла, мне стало страшно, что она не вернётся. (32) «Вернись, девочка-жизнь», — думал я, поджидая её. (33) И когда я уже почти перестал ждать, девочка-жизнь вернулась.

(34) Увидев, как тяжёлый чайник с водой оттягивает ей руку, я смутился; мне стало стыдно валяться. (35) Она ведь получает ровно столько хлеба, сколько я, и ей ничуть не легче, чем мне. (36) Я скинул с себя оба одеяла, опустил ноги на пол и встал.

(37) — Ну вот, я говорила! (38) Вы можете стоять!

(39) Чайник запел песенку, пар потянул из носика, зазвенела, прыгая, крышка. (40) Ася налила кипятка в две кружки, мы сели на койку, подобрал под себя ноги, и стали пить. (41) Было блаженно жарко, пот выступил на лицах, мы, обжигаясь, отхлёбывали кипятка маленькими глотками и поглядывали друг на друга всё радостней и дружелюбней.

(42) Я рассказал ей, как я огорчился, когда меня из-за язвы двенадцатиперстной кишки вместо армии направили редактировать газету. (43) И вот газета перестала выходить.

(44) — Чего ж вы ждёте?

(45) — Жду приказания, — ответил я. (46) — Если бы можно было позвонить... (47) Но позвонить нельзя...

(48) — А вы пойдите.

(49) Тут я рассмеялся.

(50) — Вы знаете, куда мне надо идти? (51) В порт! (52) Я упаду и замёрзну.

(53) — Очень может быть, — сказала она спокойно и серьёзно. (54) — Это уж от вас зависит. (55) Вы дойдёте. (56) В человеке гораздо больше силы, чем он думает. (57) Надо дойти, и вы дойдёте.

(58) Едва я вышел за ворота, морозный ветер ударил в меня снежной крупой, и мне стало ясно, что дойти нет никакой надежды. (59) Ноги меня не держали; меня качало, как прут на ветру. (60) Лечь в снег и закрыть глаза — вот всё, чего мне хотелось. (61) Дойду до угла и лягу. (62) Но, дойдя до угла, я не лёг, а побрёл дальше, к следующему углу. (63) Так я вышел на мост, перешёл через Неву, свернул в длинную улицу и пошёл всё прямо, прямо, мимо разбитых бомбами домов, мимо домов сгоревших, мимо домов вымороженных. (64) Узкая тропка вела

меня между сугробами, где лежали запорошенные снегом трупы тех, кто шёл здесь до меня. (65) Я знал, что сам скоро буду лежать засыпанный снегом, и это вовсе меня не пугало. (66) Но если я могу пройти ещё пять шагов, я их пройду. (67) К сумеркам я прошёл всю длинную улицу до конца и дошёл. (68) Во мне оказалось больше силы, чем я думал.

(По Н. Чуковскому)

Чуковский Николай Корнеевич (1905—1965) — русский советский писатель, переводчик.

Проблема (над чем призывает задуматься читателей писатель?):

Аргумент №1:

Аргумент №2:

Позиция автора (ответ на проблемный вопрос):